
ОТЕЦ АЛЕКСАНДР (МИНЯЙЛО)

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

Обычно у нас на Урале редко бывает так, что во время дождя тепло. Солнечный день, греешься и нежишься на долгожданном солнышке, как вдруг небо затянет. С запада наплзёт туча, и хлынет ливень. После него надо день, а то и два, чтобы разогрелся воздух, снова восстановилось тепло, которому так радуешься и так ждёшь осенними и зимними днями.

А вот сегодня, 23 июня 2001 года, встал ранним утром. Воскресенье. Моросит меленький-меленький дождичек. Справа в окне вид на лес, из которого поднимается пар, очень знакомый, такой же, когда, бывало, мама у печки поднимала крышку с чугуна, где варился борщ. Просыпаешься с чувством радости, что начался день, что впереди много всего интересно. И день такой длинный, летний, тёплый, сулящий тёплую воду в разрезе, куда мы бегали в детстве купаться, и жаркий, жаркий песок с разноцветной галькой.

Бывало, искупаешься, замёрзнешь от холодной воды – и на песок, обжигающий тело. Засыплешь песком ноги, грудь и лежишь. Лежишь до разогрева, а потом снова в воду. Ах, как хорошо, как хорошо!

Вот этот тёпленький, меленький сегодняшней дождичек, не позволивший нарушить заповедь Божию: не работать на даче в воскресенье, – усадил меня за стол, чтобы исполнить задуманное. Написать о том, что выпало на жизнь моего поколения в отрезке от 1941-го до 2001 года. Спрашивается, для чего, для какой цели? Оставить записи потомкам? – я не яркая личность, чтобы оставлять память о себе; тем более это художественно трудно, практически неосуществимо, ибо писательским талантом я не обладаю.

Может, для того, чтобы прочли внуки и внучки, а может быть, заглянули изредка и дети? Конечно, хотелось, чтобы и заглянули, и прочли, и чтобы лучше узнали о прошлой жизни, и что-то почерпнули для себя. Нет, всё же мне кажется, что-то другое, неуловимое, очень и очень незаметное. Какое же слово подобрать? Пусть едва проглядывающееся, неясно проявляющееся, что сравним с цветком.

Время раскрытия цветка всегда было для меня очень важным, неуловимым, тёплым, прозрачным, согревающим душу. Миг ожидания, именно миг ожидания чего-то неповторимого, ещё неизвестного, не увиденного, не прочувствованного. Передать переживания ощущения жизни и её поворотов того времени, от 1941-го до наших дней. Передать или попытаться передать дыхание жизни, переживаний моего поколения, частицей которого я являюсь.

Собирался, откладывал, снова собирался, а сегодня написал первую строчку. С Богом, в путь по страницам рукописи. Не потерять бы чувство дыхания жизни, лучше, доступнее, сердечнее его выразить. Помогите мне, Господи, в этом.

НАЧАЛО

Родился я за неделю до войны – пятнадцатого июня 1941 года. Мама очень любила меня, я это чувствовал каждой клеточкой моего существа. И я тоже очень любил свою маму.

У нас не принято было называть маму на “ты”. Это когда приехал в большой город и окончил первый курс института, возмудрился и стал стесняться называть маму на “вы”. Как же: все родных называют на “ты”, а у нас в семье – на “вы”. И всё-таки вопреки устоявшимся правилам и привычкам, наперекор всему и вся, в нашей семье, обращаясь к родителям, говорили: “Вы, мама, вы, папа”.

Родители мои испытали многое. На долю их и всего поколения пришлось огромное число бед. А ведь все выдержали, вынесли и не потеряли чувства любви, радости и полноты жизни. Хотя жизнь тогдашней России глубоким плугом прошла и по нашей семье, и по нашему роду.

... Знаю ли я своих предков? К сожалению, нет. Разрыв поколений сказался на мне. Мы подлинно не знаем своих корней, своего дальнего гнезда. Предки наши жили на Украине, и наш род корнями оттуда. Отец в своей семье был одиннадцатым ребёнком, имел десять родных братьев. Когда женился на моей маме, его отца Петра уже не было в живых. Мой прадед по маминой линии был из вольных, из-под Харькова, и по столыпинской реформе поехал осваивать сибирские земли.

Просторы колундинских степей захватили прадеда и оставили навечно на рыбообильной реке Бурле Алтайского края Хабаровского района, где и была основана деревня Новая Ильинка. Дед мой Иван по маминой ветви был высок, красив, статен, с серыми добрыми глазами. В 1905 году его забрали на войну с Японией. Вернулся полным георгиевским кавалером, уже не на Украину, а в Новую Ильинку. Там и родилась моя мама – Мария Ивановна Степаненко.

Бабушка моя по маминой линии была красивая, очень хрупкая, нежная, невысокого роста, удивительно добрая. Когда маме было десять лет, разразился в Сибири повальный тиф. Бабушка умерла, и мама моя испытала детство без матери. Это отложилось на её характере и безмерном уважении к людям.

Сейчас, когда так безудержно развивается эгоизм, важно напомнить: наши матери, родившиеся в начале века, были удивительно добры. Их поступки всегда отличала порядочность, готовность прийти на помощь. Перенёсшие огромные тяготы нашего российского лихолетья, как они были отзывчивы!..

Мы жили в небольшой хате, построенной отцом в 1933 г. в Миассе как временка. После огромных просторов колундинских степей, жаркого солнца, горячего жгучего песка, по которому так приятно пройти босыми ногами, отец не хотел смириться с Уралом, сильно тосковал по привольным сибирским краям и всегда был в намерении вернуться.

Особый разговор о том, как мы оказались на Урале. В Сибири, когда матери исполнилось 17 лет, выдали её за Максима, так звали моего отца, замуж. Не могла она выходить за него, но и не могла перечить родителям.

Отец мой с братьями считались маломощными середняками. Так эта маломощная семья, по рассказам моего отца, имела 33 пары выездных лошадей, не рабочих, а, подчёркиваю, выездных. Птицу вообще не считали, сколько её было во дворе или сколько гусей плавало в Бурле.

Записались в колхоз и наши родители. По воспоминаниям матери, деревня пошла на разорение. Многие уезжали, а тех, кто хоть что-то имел, ссылали ещё дальше, на Енисей. Наш деревенский, Сильченко, к примеру, имел свою мельницу. Так за эту мельницу он был сослан на лесосплав и вернулся в Миасс уже в начале шестидесятых.

Удивительно, но чувство локтя тянуло деревенских друг к другу. Со временем, когда мне было лет десять, в Миассе проживало уже немалое число сибиряков, бывших наших, деревенских. Родители часто созывали гостей, сами ходили в гости. В складчину поднимали жильё землякам. Удивительное это дело, сейчас редко наблюдаемое. Строили жильё всем гуртом, всем миром. Хозяин готовил угощение, созывал земляков, и за один-два дня ему ставили дом.

В детстве наблюдал я, как работала добровольная артель. С радостью, шутками, прибаутками. В таком доме, построенном на добре, всегда душевное тепло, по-христиански праведно. А в каком жилье мы живём? В многоэтажных панельных бараках. Послушай строительную бригаду, когда идёт строительство, слышен сплошной мат. А ведь жильё – это тоже храм Божий. Он должен быть построен в добре и любви.

Работа моих родителей в колхозе была непродолжительной, и я очень мало знаю об этом периоде их жизни. Знаю только по рассказам матери, что отца забрали по вербовке строить Новокузнецкий металлургический комбинат. Проработав там некоторое время, отец затосковал по родной деревне, всё бросил и самовольно вернулся в деревню. Тут же, на колхозном собрании, за такое самовольство семью исключили из колхоза. А такое исключение – это прямой путь на лесоповал.

Дед мой (мудрый был старик) так сказал: “Дети мои, пока вас не посадили, уезжайте из деревни”. Легко сказать – “уезжайте”. Как на такое решиться? А тут как раз пришло письмо от дядьки Илько, уехавшего в Донбасс. Расхваливал он, какой это цветущий край. Вот по этому письму и поехали мои родители, побросав всё в деревне – и дом, и пожитки, забрав с собой что можно было увезти.

Из всего добра – то, что осталось в моей памяти, – были две великолепных иконы в старинном окладе, которые родители не оставляли ни при каких обстоятельствах. Это Казанская икона Божией Матери и икона святого Пантелеймона. Была она с дедом на Японской войне, а затем он благословил этими иконами моих родителей, сказав при этом: “Иконы храните как самое драгоценное, а если не будет сил, пустите по реке”.

Так и вырос я под сенью этих икон, запавших мне в душу. И когда мама умерла на 80-м году, отец отдал иконы мне. Казанскую я передал Лиде, моей сестре, а вторая осталась у меня как единственная фамильная святыня. И когда встал вопрос о строительстве институтского домового Храма, и в честь кого, сразу в душе возникло – храм Во имя Казанской иконы Божией Матери. При этом в мыслях было имя и святого Пантелеймона. С этим поехал я к старцу отцу Николаю на остров Залит, что на Псковском озере.

Поражён я был ответом старца. Он прочёл всё, о чём я думал, сказал, что можно строить и во имя святого Пантелеймона, и во имя Казанской Божией Матери, добавив при этом: “А можно и во имя Петра и Павла”. Конечно, обрадовался я, что старец благословил строительство храма во имя Казанской Божией Матери. Сейчас при институте создана православная община во имя Казанской иконы Божией Матери, началось строительство храма.

После того памятного собрания и покатили мои родители с двумя дочерьми (старшей – Наташей и младшей – Катюшей) через всю Россию в Донбасс. По дороге их обворовали. Остались у них только эти две иконы. Так оказались они в шахтёрском краю. Отец спустился один раз в шахту и на этом поставил точку: “Умру, но в шахту больше не спущусь”. На другой день случилась крупнейшая авария, погибли две смены. Одна – ещё не успев подняться, а другая – спустившись в лаву.

По России, с организацией колхозов, разразился голод, который и застал моих родителей в Донбассе, – без крыши над головой, работы и без какой-либо надежды на лучшее. Потеряли они в этом краю старшую дочь Наташу, десяти лет. От удара колена приключился у неё туберкулёз кости. Вылечить не смогли. Сейчас очень сожалею, что не расспросил родителей об этом периоде их жизни. Одно знаю: намыкались они по горло.

Нанимались на любую работу, жили по сараям. На улице – мокрый снег, а у них вместо двери – рядно. Скопив какие-то крохи на билеты, тронулись они в обратный путь, получив письмо от старшего брата Емельяна, тоже уехавшего из Сибири и оказавшегося на Урале. Так в 1933 году мои предки приехали в Миасс, выкопали землянку по ул. 8-е Марта и прожили в ней год. Затем получили надел 10 соток, на котором и построили времянку по ул. Элеваторной, 18, где довелось родиться моей сестре Лиде. А в грозном 1941-м 15 июня на свет появился и я. Начался новый этап в жизни нашей семьи, уже моей жизни, жизни моего поколения 1941–2001 годов.

НАШИ МАТЕРИ

Особый разговор я хочу повести о наших матерях, родившихся в начале прошлого века. На их долю выпало столько бед, столько горя, столько страданий и испытаний! При всём этом они светились приветливой добротой, добротой, которая отогревает душу. Вот баба Гаша, Агафья Ивановна, старшая сестра моей мамы. Любил я ходить к ней. Их с Василием Романовичем домик стоял на покато́м склоне Ильменских гор, взметнувшись на востоке своими удивительно красивыми пиками. И вот плавно, плавно эти пики с небольшими пригорками спускаются в долину реки Миасс, пробивающуюся в горах и образующую урезы то вправо, то влево с водоворотами, в которых кишела уйма пескарей и чебаков.

Когда мы были подростками, то ловили рыбу простынями, как неводом. Подходим, бывало, к реке – вода тёмная, берега, поросшие ивняком и черёмухой. Какая это красотища! Весна – так ждали её с нетерпением.

И вот она пришла. Тает снег. Проступают вначале первые проталины. Затем появляется первая травка. Загрохотали мощных два потока чистой воды по ложбинам гор в долину реки. Эти два потока никогда не пересыхали. Два лога с огромными валунами гранита, нисходящими с гор, а в глубине – вода холодная и прозрачная, разбивающаяся о камни брызгами. Пройти по этим камням вблизи потока – большая радость.

Весна, и первая забота – скворечник. Иду к бабе Гаше, к Василию, дяде Васе; такая мечта – иметь скворечник. Это же не просто: взял доску, отпилил, сколотил и получилось что надо. “Ну что, пришёл?” – спрашивает Василий, – садись рядом”. Сажусь. Садится и он. Степенно достаёт кiset с табаком. Затем достаёт из верхнего кармана гимнастёрки газету. Берёт эту газету за уголок и медленно начинает тянуть. Она обрывается – сначала с одной стороны, затем с другой. Обёртка готова. Загиб вокруг указательного пальца, щепотка табаку, склеивает, готово.

Достав фитиль и приложив его к камню, ударит секалом. Загорелось. Затяжка, и первый клубочек дыма потянулся вверх, начался степенный разговор о том о сём, как мамка, как отец. Это ощущение взрослой беседы делает тебя равным взрослым. На душе блаженство. Выходит баба Гаша. “Дед, что ж ты сидишь? Малец пришёл за скворечником, а ты сидишь...”. “А мы сейчас”, – скажет Василий. Поднимется, оглянется на меня в пол-оборота: “Пошли”.

Подходим к месту таинства. Верстак. На бревенчатой стенке расположен инструмент. Тут и пила с натянутой верхней струной, и стамеска, и долото, и рубанок, и фуганок. Глаза разбегаются. Можно построгать, попилить, забить гвоздь в стенку скворечника. Самому. Да так, чтобы он прошёл по середине доски, не выскочив внутрь скворечника. Тогда вся работу насмарку...

Работа закипела. Вот одна дощечка отпилена, другая с наклоном. Вот они уже приставлены друг к другу. Прокладывается между ними тряпочная ленточка, чтобы не было просвета. Три гвоздя вошли под барабанный стук молотка. Это ещё только заготовка. Ответственная работа – долотом сделать входное отверстие, но так, чтобы не треснула доска.

Работа заканчивается. Смотрим в леток на свет, нет ли где просвета, щелей. Скворечник готов. Степенно моем руки. Баба Гаша подаёт полотенце. Василий причёсывается перед зеркальцем, висящим перед умывальником. Расчесал, дунул на расчёску, положил в гимнастёрку, туда же, где газетная бумага. Мы приглашены на борщ. Заходим в хату, садимся за стол. В просвете двери в горнице – образа икон с рушником, вышитым бабой Гашей красным крестиком, и ордена Василия, медали. Сейчас уже не помню его медали, но в память врезались два ордена Красной Звезды. Такие алые-алые.

Уже к вечеру, нагостившись у родной бабы Гаши, с оттопыренными карманами, в которые она всегда напихивает то каких-то кренделей, то плюшек, то пирожков, со скворечником возвращаешься домой.

Доброта наших матерей была беспредельная. По рассказам мамы узнал я, как они познакомились с нашими кумовьями Мануйловыми, жившими на нашей улице. Дядя Паша и тётя Юля – так звали кумов. Люди были добрейшей души. Дядя Паша держал всё время лошадей. В моё детство

была у него кобыла Альпа, так её звали. В детстве я очень сильно любил лошадей. Вставал рано утром, чтобы вывести Альпу на луг, конечно, прокатившись верхом при этом.

С нетерпением ждёшь вечера, чтобы сходить, взять уздечку, пойти далеко-далеко на болото, где паслись лошади. Поймать её, а затем верхом – галопом по лугу домой. Дух захватывало. Дружба моих родителей с этой семьёй была настолько близкой, тёплой, что мне и в голову не приходило, что они нам не родня. Все мы считали их родными. Наши семьи совместно работали на заготовке сена. Договаривались с лесником в заповеднике о выделении покоса.

Всё сено накошенное делилось пополам. Один стог, намётанный, доставался леснику, остальное, поделив поровну, забирали мои родители с дядей Пашей. Бывало, родители говорят: “Едем на покос”, – и радость в сердце неопишуемая; есть возможность поехать в заповедник, далеко-далеко по глухой такой таинственной дороге. Время блаженства для меня. Быстрые сборы утвари, одежды, пропитания и, конечно, большой котёл, в котором на костре варился кулеш – суп с пшеном.

Какой же он был вкусный! Бывало, собираешь сушняк для костра, а взрослые мужчины заняты постройкой шалаша. Ставят берёзовые перекладины, затем накрывают их ветками, а сверху накладывают толстый слой свежескошенной травы. Трава расстилается и на землю, покрывается брезентовым пологом, и мы спим на нём, как на перине. Валежник детьми заготовлен, взрослые соорудили костёр. На рогатинки положили сырую берёзовую перекладину, чтобы не сгорела, на неё вешается знаменитый, как сейчас помню, большой котёл для варки кулеша.

Бывало, вода уже закипает, брошено пшено, варится картофель. Мама берёт ложку, снимает накипь. Сняв накипь, затем посолив, пробует кулеш. А ты в это время уже ждёшь. Слюнки текут от нетерпения.

Разостлано рядно, снедь уже разложена. Только осталось дожждаться окончания варки. Мужчины сидят в сторонке, беседуют. То о качестве травы, говоря: “Завтра надо встать пораньше, пока роса. Хорошо косить по росе. Да и солнце ранёшенько – такое нежное, не печёт так, как днём”. То о жизни, то как бы дождь не пошёл – “как грести будем сено? метать стога?”. Женщины в это время трудятся возле котла, что-то там подбрасывая, подсаживая: то лавровый лист надо опустить, то попробовать, то накипь снять; гутарят между собой.

Перед глазами у меня и сейчас сидят загорелые такие молодые мужчины с закатанными рукавами рубах, умытые в холодной воде из рядом расположенного озера. Такие просветлённые лица. Им-то после войны было по сорок лет. Для мужчины – это самый жизнеспособный возраст. Сладостный запах кулеша уже распространился и достиг нас, сидящих в сторонке. Знать, всё готово – нас приглашают на трапезу.

... Так как же состоялось знакомство наших родителей с будущими кумовьями? По приезде в Миасс мой отец устроился на работу при железнодорожном вокзале. На этом вокзале оказалась семья Мануйловых: дядя Паша с тётёй Юлей, двое детей, Катя и Митя, и родители дяди Паши. Они также покинули при коллективизации свою деревню и дом, не попав в число раскулачиваемых; выехали, оказались на вокзале. Куда дальше ехать, куда идти – не знают. Отец разговорился с ними. Сказал: “Пойдёмте” – и привёл всех шестерых в нашу маленькую хибарку. Они стали жить у нас. Мать встретила их, не воспротивилась, избушка была ведь не хоромы, одна-единственная комната.

Вот я и задаю себе вопрос: сможем ли мы сейчас принять совершенно чужую семью, живя в однокомнатной квартире, на постой? Сможем ли потесниться? Мы привыкли к комфорту. У нас потеряно чувство братства, любви к незнакомым людям. Оно, может, и есть, но чувство это занижено. А наши родители обладали им в большей степени и помогали, чем могли, без всякого раздумья. Вот в этом и заключалась доброта наших матерей.

Да и не только в этом. Я родился за неделю до войны. Отца забрали на фронт. На руках матери – ещё двое моих сестёр. Одной, Катюше – одиннадцатый год, другой, Лидочке – шестой. Так баба Гаша – Агафья Ивановна, старшая сестра мамы, запретила ей идти на работу, чтобы не потерять меня, малыша. Сама работала и приносила нашей семье пропи-

тание. И когда я уже подрос после войны, всегда ощущал доброту наших женщин.

Именно она, их доброта, всегда согревала в дальнейшей жизни. Поэтому сейчас возникает ощущение неоплаченного своего долга. Мы в огромном долгу перед своими матерями. Одно только это должно привести нас к покаянию.

Матери наши, простите нас непутёвых, грешных. Мы должны молиться Господу за вас!

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Нынешняя весна 2006 года не балует нас теплом.

Практически выдалось всего два-три за весь март погожих весенних денька. По-настоящему весенних, когда ярко светит солнышко, тает снег на окраинах леса. Снег почернел и пошёл небольшими проталинками чёрно-рыжей земли или светится такой завораживающей голубизной, заполняющей всё твоё сознание блаженным умиротворением, что так и хочется прилечь на просыпающуюся землю, распахнув руки и устремив взор в бесконечную голубизну неба.

Не сказать, что март был холодным, с морозами, как случилось в предыдущие вёсны. Нет, такого холода не было. Но и завораживающего тепла, проникающего во всё твоё существо, было маловато. А за зиму соскучишься по теплу, по теплу именно весеннему, с ослепительно ярким солнышком, по теплу, присущему только весне, времени перемен, когда щебечет, распускается, двигается, когда просыпается всё и вся.

И это оживление перемен к лучшему, тёплому, живому, цветению ярких красок. Только представишь всё это, соприкоснувшись с первым весенним лучом, как тут же душа наполняется тёплым щемлящим чувством. Подожди, это только первая ласка весны, а дальше будет ещё теплее, светлее, живее, зеленее. Это ещё не всё, ты ощутил цветение и первых подснежников, и закруживающий запах черёмухи, и запах нежных цветов сирени. И вот подошёл черёд цветения яблоневого сада, сливового тончайшего аромата, проникающего в самое сердце.

Яблоньки. Вот они, невесточки. Скоро станут белокрылыми. Как вам было тяжело в эту зиму! Морозы были сильные, безжалостные. А нет, всё выдержали, всё вытерпели. Осматриваю их – стволы все живые, почки на них сохранили ростки жизни. Зацветут, оденутся бело-кружевным покрывалом, таким нежным и таким чистым. Наполнят душу переживаниями, воспоминаниями тягостных минут, светлостью и чистотой, в которой все мы так нуждаемся.

Вот в этом я и вижу смысл весны. Порыв, перемена, проблеск лучезарного света, показывающего только начало перемен к лучшему – к добру, красоте, любви, умиротворению, гармонии.

Вспоминается наша средняя школа. Она стояла на опушке соснового леса, являющегося территорией Ильменского заповедника. Лес был прореженный, и повсюду простирались огромные гладкие зелёные поляны, окружённые вековыми соснами. И вот когда уже сходил снег, наступал конец апреля – начало мая, мы ходили из школы в лес за подснежниками (звали такие бледно-белые цветы – “сон-трава красивый цветок”). Рвали целые букеты и приносили в школу. Школа оказывалась вся в цветах. Иногда уроки ботаники проводили прямо на опушке, на полянах, рассаживаясь на тёплую, зелёную, такую чистую землю.

Когда наступала пора цветения черёмухи – это была фантастика. Мы ходили ватагами за черёмухой в долину реки Миасс. Впечатление – ошеломляющее. Этот терпкий, кружащий голову аромат ощущается и сейчас, не выходит из памяти.

Смотрю на берёзоньки. Стоят они, ещё не распутившиеся, приветствуя, качаясь на ветру своими длинными обвисшими плетями. Они роняют на талый снег свои семечки из серёжек, семена, которые с вешней водой прибудут на благодатный клочок сырой и парной земли. А там, глядишь, и прорастут, пойдут в рост и зашумят красавицы белоствольные. Укроют своей прохладой, пробудят в человеке умиротворение от

красоты, наполнят его чистотой и лазурью. Воздух заполняет сердце лаской, красотой и любовью.

Чу! Что такое? Знакомая мелодия. Прислушиваюсь. Что, почудилось? Нет. Трепетные звуки, которые всегда помню с раннего детства. Поднимаю голову. Боже мой, мой скворец прилетел. Он поёт, сидя на вершине берёзки, где внизу его скворечник. Поёт неистово, не смолкая, вдохновенно. Длинный клювик его постоянно раскрывается, оперение на горлышке всё время движется в такт мелодии.

Он поёт закату солнца, наполняя завораживающей мелодией ближайшее воздушное пространство. Нет, это не просто пространство, это – пространство жизни. Оно превратилось в пространство мелодии, музыку жизни; пространство, заполняющее красотой.

Скворушка, ты прилетел на день раньше. Ты прилетел, чтобы спеть гимн жизни, гимн красоте. Ты не польстился на тёплые лазурные виноградники французской провинции. Ты рисковал, преодолевая огромное расстояние ещё заснеженной и разорённой страны. Ты торопился. Ты терпел лишения. Ты помог в трудную минуту, ты не предал. Не имея разума, по генетическому коду ты стремился на Родину. Ничто не могло прельстить тебя, ничто не могло сбить с родного пути.

Всё вдруг переполнилось в душе. Я почувствовал какую-то щемящую нежность, заполняющую всё моё существо. Спасибо тебе, мой дорогой скворушка.

На память пришла столь знакомая песенка юности, которую по радио всегда передавали весной. Весёлые слова и мелодия: “Ребята, ребята, скворцы прилетели. Скворцы прилетели. На крыльях весну принесли. . .”. Нахлынули воспоминания. Стоял я и слушал замороженно эти чудесные трели.

И на самом деле весна пришла. Пора тепла и надежды. С этим чувством я и зашёл в дом и подумал: “Господи, благодарю тебя, что послал птаху мне в утешение”.

ЛАСТОЧКИ

Когда встал вопрос о выборе флага и герба нашего Уральского института бизнеса, мы обратились к специалистам. Что-то они нарисовали, но чувствую – не то. На какой-то миг сразу вспомнил – ласточки. Вот это – герб, наш символ! Пошёл к Евгению, возглавлявшему фирму рекламы: “Женя, нарисуй ласточку, изобрази”.

Получилось великолепно. Символ сразу сделался родным, лёг на сердце. Я почувствовал его теплоту.

Почему ласточки? Задаю себе вопрос, на который нет ответа. Нет рационального объяснения, когда спрашивают: “Почему ласточки? Что это означает?”. Ответ возможен такой: красивая птица, сама стремительность, домовитость. . .

Но это будет не очень точный ответ. Как мне кажется, это состояние души. Именно состояние души, стремление к Божественной красоте и дают ответ на вопрос: почему ласточки?

С детства я любил ласточек. Красоту их передать невозможно. Вот она стремглав летит низко-низко над землёй, прямо на тебя – алая грудка и воронёная основа. Один миг, резкий вираж – и ввысь. И уже вверху, ещё одно мгновение – и превращение в маленький мерцающий чёрный уголёк. Резкий вираж – и она вновь уже проносится рядом с тобой, с лёгкостью, с изяществом. Удивительно, казалось бы, как можно полюбить эту птичку, деревенскую ласточку, которую редко можно было увидеть у нас в Миассе, дома, где я провёл своё детство. А вот ведь запала в душу именно она.

Такое же невообразимое волнение меня охватило у деревни Ольховка, что раскинулась вдоль старого тракта из Екатеринбурга в сторону Челябинска. Не знаю, по какому поводу я остановил машину, как вдруг услышал знакомый с детства звук “чив-чив”. Прислушался – может быть, показалось? Нет, снова слышу “чив-чив”. Боже мой! Так это же птичка моего детства, жёлтая трясогузка! Называли мы её “желтогрудка”. Под Екатеринбург

гом я увидел её впервые. И больше не видел никогда, может, просто не приходилось. Но это “чив-чив” вернуло меня в моё детство.

... Помню, как-то неожиданно мама объявила: “Ты поедешь к деду в Сибирь”. Я тогда окончил 4-й класс. Мама в подарок деду заказала у славного мастера дяди Вани Ромасько картуз. Этот подарок я и повез деду в далёкую Сибирь, в колундинские просторы, по которым так тосковал мой отец.

Дядя Ваня Ромасько, родной брат Василия Романовича, который делал мне скворечник, был великолепным портным. Помню его всегда неунывающим, смеющимся, сидящим за швейной машиной. После работы он выполнял многочисленные заказы на пошив брюк, галифе, фуражек. Вот понравились мне галифе! “Мама, шей мне галифе”, – приставал я. Хотелось походить на взрослых мужчин, вернувшихся с войны. Пошили мне эти галифе, когда я учился во втором классе. Они часто меня выдавали, когда проказничал в школе. “Кто?”. Проводится дознание. “А вот тот, в галифе”.

И вот тётя Гаша берёт меня с собой в поездку, в Сибирь. Эта поездка была моя самая первая дальняя, захватывающая своей неизвестностью. Помню ли я дорогу? Нет, не помню. А вот вокзал в Петропавловске я запомнил. Была длительная, наверное, часовая остановка, и мы с тётей Гашей гуляли по перрону. Поразил меня на перроне великолепный фонтан с каскадом брызг, вырывающихся высоко струёй, и жёлтый песок вокруг него. И ещё – белая сладкая вата, купленная мне тётей Гашей.

На станции Татарская сделали пересадку. Поезд, идущий в сторону Славгорода, нужно было ждать целую ночь. Спать хотелось жутко, а все диваны заняты. Баба Гаша постелила мне под диваном. Я забрался туда, вмиг пропала вся вокзальная суета. И такое ощущение покоя и блаженства! Глаза сомкнулись, и я куда-то “провалился”, крепко заснув. Утром сели мы в другой поезд и через сутки прибыли в Славгород.

С поезда – сразу на элеватор. Надо было найти попутку, чтобы, проехав 90 километров на зерне, по жаре, добраться до Ново-Ильинки, к деду, в волшебный край; к тёплой речке Бурле, из которой я с деревенскими ребятами не вылезал днями.

В пристрое к хате, под навесом, селились у деда ласточки. Стремительно, безбоязненно летали они, залетая под стреху низко над головой. Закрыв дверь, я поймал птаху. Сбылась мечта. Я подержал ласточку в руках, жар-птицу моего детства. Удивительно, но она мирно сидела у меня в ладошках. Бережно донёс я её до двери, так и не успев как следует разглядеть. Она юркнула у меня из рук, оставив навсегда незабываемую радость.

ГАРМОНЬ

Возвращение туда, где ты родился, всегда трепетно. Трудно выразить словами ощущение и тоски, и радости, и душевного подъёма. Душа ликует. Сердце наполняется щемящим чувством неизмеримой любви. К чему? Да любви ко всему. Мне кажется, что понятие своего уголка, любви к своему краю очень выражено у нас, русских, славян, испокон века живших на широчайших просторах нашей матушки России. У человека Запада, как мне кажется, это чувство Родины, своего уголка как-то принижено, притуплено.

Например, в Канаде, где мне по долгу службы пришлось поработать, моё чувство к родному уголку было непонятно. Канадец, он сегодня работает здесь, у него куплен дом; завтра его пригласили на новое место, где больше платят, он снимется, продаст без всякого сожаления свой коттедж и едет на новое место. А если ты построил дом своими руками, каждое брёвнышко уложил, несколько раз примерив, каждую дощечку пригладил, приглядел – и справа, и слева, и спереди, и сзади... Отпилел, прострогал по несколько раз, а затем окончательно пристроил на место, вложив при этом всё своё умение, всё, на что способен; тогда твой дом – это не просто жильё.

Это уже частица твоего “я”, материализованная в твоём творчестве. Тогда трудно, невозможно расстаться со своим детищем, своим творением. Ты здесь воплотил что-то своё, неповторимое. Тогда и возникает это щемящее чувство Родины.

Ты рождаешься в отцовском доме. Да, ты не строил этот дом, но его строил твой отец. И так, из поколения в поколение, и передаётся это чувство Родины, так проникновенно прочувствованное в работах Ивана Александровича Ильина, нашего гениального философа.

Вот почему надо растить детей в доме, построенном тобой самим, а не жить в этих многоэтажных панельных бараках. Но тема жилья для россиян – особая. Мы её коснёмся чуть позже, когда пойдёт беседа о нашем российском хозяйстве, то есть экономике.

Нет, сейчас, уже в зрелом возрасте, я бы никогда не посоветовал своим детям продавать отцовский дом или дачу, построенные отцом с матерью. Нельзя этого делать. Когда уже не будет твоих родителей в живых, каждая частица, каждый уголок родительского гнезда будут будить в тебе неповторимое чувство любви, которое и есть основа жизни.

Чувство возвращения... Как оно прекрасно! Как оно неподдельно просто и волнующе! Прекрасно и нежно, нежно и щемяще. Хочется его испытать ещё и ещё. Каждый раз, возвращаясь на свою Родину, в свой край, ты испытываешь это чувство. Оно каждый раз всё новее и новее, и каждый миг неповторим, он – единственный. Новое возвращение – и новое ощущение, чем-то схожее с прежним, но уже с неуловимыми оттенками.

Первый раз я уехал в 11 лет, когда закончил четыре класса нашей миасской железнодорожной школы № 22. Летом моя мама отправила меня с бабой Гашей, её старшей сестрой, к своему отцу, моему деду в Сибирь. Пробыв там месяц, я возвращался домой.

Тогда я впервые испытал это щемящее волнение возвращения. Со станции я бросился бегом домой. Я бежал – нет, я не бежал, а просто летел, так мне было легко, хорошо и волнительно. Моё сердчишко билось от непомерной радости, и я не видел ничего. Только домой, быстрее домой!

Вот я уже вбежал на свою улицу, такую родную. А прошёл-то всего один только месяц. Вот я миновал Фаритов дом, дом Жинобаевых, а вот и наша хатка, низенькая-низенькая, такая длинная. Навстречу идёт моя мама в фуфайке, раскинув широко руки, к маме я и бросился с разбегу. Так и стоит вечно перед глазами моя мама с раскрытыми руками, обнимает меня.

В 18 лет, в 1959 году, покинул я свой родной Миасс, поступив учиться в Свердловский горный институт. Когда возвращался, не мог усидеть, встав у открытого окна.

Тёплая волна ветра била мне в лицо. Мне хотелось петь от радости. С этим чувством вынесла меня грохочущая электричка на простор долины реки Миасс. Из-за поворота, справа, показалась гора Ильменского заповедника. “У...у...у”, – раздаётся гудок электрички. Она ещё несётся, она ещё вся в движении. Но вот последние “тук-тук, тук-тук” на стыках. Звук тормозов с выходом шипящего воздуха, мягкий толчок, и уже слышно по при вокзальному радио: “На первом пути остановился электропоезд, следующий до станции Златоуст. Стоянка поезда две минуты”. Выходишь на перрон своего маленького, такого родного здания вокзальчика, сложенного из неповторимого миасскита. Ты вернулся домой, и этим всё сказано.

Вот такое щемящее чувство тоски по родным местам начало у меня нарастать этим летом, и подкралось оно как-то исподволь, незаметно, но настойчиво напоминало: надо навестить родные места...

Я начал писать раздел под названием “Гармонь”. Название-то “Гармонь”, а смысл – возвращение. Но тогда почему “Гармонь”? А это как раз и связано с одним из эпизодов возвращения.

Написав вступительную часть этого раздела и попытавшись чуть-чуть выразить момент счастливого переживания, я остановился. Чувство пропало. Да и время ушло на повседневные заботы. И вот по делам службы оказался я в Объединённых Арабских Эмиратах.

Стоял вопрос об открытии в этой стране филиала Института бизнеса. Конец ноября. Звоню в Екатеринбург. Узнаю, что идёт непрерывно снег, температура минус 25–30 градусов. А здесь, в этой арабской стране, плюс 32, жаркое солнце, ласковое море, пальмы, бархатный песочек.

Преыдуший год был для меня хлопотным. В отпуске я не был. Подустал основательно. В декабре окунуться в тёплые воды залива Индийского океана – это, конечно, впечатляет. Для меня, в принципе, хватило 3–4 дней, чтобы восстановиться. Сбросить с себя психологический груз ответ-

ственности, снова как будто бы окунуться во времена детства, вспомнить бархатный песочек с цветистой галечкой, поросший гибкой лозой...

Вот тогда и пришёл на память эпизод одного из последних возвращений на родной Урал, на журчащую, с многочисленными заводями и плёсами речку Миасс, с наклонившимися кустами ольхи и ивы. Где течение тихое, где в светлой воде всегда видится что-то таинственное. Такие заводи мы очень любили в детстве, где простынями, как неводом, вылавливали небольших щурогоаек, и жирных смешных пескарей, и трепещущих, довольно больших чебаков. Их было очень много. За один зачерп попадало с четверть ведра. Сейчас, наверно, не поймать за раз столько. Время ушло и унесло не только миг детства, но и прекрасный мир нетронутой природы.

... Но вернёмся к началу. Почему в Эмиратах я вспоминал про гармонь? Мне понравилось, как народ сохраняет свои традиции. Вот и вспомнил я в этой далёкой арабской стране одну из последних поездок на родину. Дом в деревне, стоящий у обрыва реки, ласточек, гнездившихся прямо над головой в гараже у племянника Сергея. Речку Миасс с отмелями и кружевами черёмухи, нескончаемые трели соловьёв, будоражащие сердце тихим поздним вечером, переходящим как-то незаметно в нашу спокойную-спокойную, просветлённую июньскую ночь. И гармонь Виктора, взявшего её в руки по случаю нашей встречи.

Виктор Васильевич, тесть моего племянника, летом живёт в деревне под названием Коробковка. Короба мужики добротные делали, отсюда и получила своё название деревня. Добротный пятистенный дом стоит на обрывистом берегу реки Миасс. В одной половине дома летом живёт он, во второй – мой племянник Сергей Иванович, его зять, с женой Ириной Викторовной. После разговоров о том о сём садимся за стол. По-нашему, по-русски: выпивка, закуска, песня.

Открываются окна, и Виктор Васильевич берёт гармонь, нежно пробегает по клавишам, вызывая удивительные звуки, сливающиеся в мелодию, мелодию нашей матушки России. Лидия Максимовна, моя сестра, мама Сергея, начинает песню. Как поёт, как поёт! А как играет Виктор! Мы все захвачены этой душевной волной и не в силах удержаться. Поём песню за песней: и “Степь, да степь...”, и “Клён ты мой, опавший...”, и зазорные украинские. Такое единение; забыто всё.

Гармонь дышит, живёт, и Виктор Васильевич весь в ней. Голова наклонена, он как бы прислушивается к биению её сердца. А пальцы, пальцы, повинуйся какому-то неуловимому чутью, выхватывают мелодию, такую нежную, проникающую в душу. Слёзы на глазах. Всё слилось в едином порыве души: и твои переживания, и твои чувства к Родине, и любовь, и восторг...

ФРОНТОВЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я всматриваюсь во фронтовые фотографии – фотографии Великой Отечественной войны. Им сейчас по шестьдесят четыре года.

На фотографии – трое. Справа – отец, Максим Петрович, слева – солдат мне незнакомый. В середине – майор. На кителе два боевых ордена. Два ордена! Да каких!.. Их же надо было получить в такое непростое время! Фотография, по-видимому, сделана в конце 1943-го – начале 1944 года. Мой отец на ней – моложе меня. Он с 1906 года. Ему тогда было 35–36 лет. А как он рассказывал потом, уже тогда его называли “батей”.

Всмотритесь в их лица – лица солдат войны... Я не могу без волнения смотреть на эти фотографии. На плечах фронтовиков – такие невероятные трудности, а какая уверенность, спокойствие и какое благородство!

На обороте фотографии – скромная надпись моего отца: “На память Шурику”.

Следующая фотография – группа солдат и офицеров. Их – девять человек. У офицера ещё ромбики в петлицах; стоят среди вековых сосен. На обороте фотографии было написано: “Карельский фронт”. Надпись замазана цензурой. Но со временем чернила выцвели, и я смог прочитать, что там было написано. Отец стоит справа, крайний, в одной гимнастёрке. По-видимому, выбежал из расположенной где-то рядом землянки.

Фотография наклеена на картон, на котором перечислены фамилии товарищей отца. На обороте – надпись его рукой: “Дорогой моей Марии. По-сылаю тебе на долгую память. Твой муж Максим Петрович”.

Другая фотография – фотография тыла. В центре – моя мама Мария Ивановна, слева – старшая сестра Катюша, справа – сестра Лидочка, 1935 года рождения.

На маминых руках я. Мне, наверное, месяцев шесть-семь от роду. Сидит мальчик, смотрит своими глазёнками и не знает ни печали, ни горя происходящего... Мама – молодая женщина, ей – тридцать три года. На её узеньких плечиках – трое детей. Без мужа, без опоры... Муж ушёл на фронт, оставив её одну. Ей поднимать этих детей. Подумать только, какая тяжесть легла на её плечи! Как на плечи таких же, как и она, женщин России. Но взгляд – не растерянный, уверенный, спокойный. Фотография отослана на фронт отцу: “Вот мы все вместе посылаем тебе весточку и ждём тебя. Возвращайся”.

Просматриваю красноармейскую книжку отца. Тоненькая, пожелтевшая бумага. Храню её как драгоценную реликвию нашего рода.

На первой её странице – пятиконечная звезда с серпом и молотом. Название: “Красноармейская книжка”.

Открываю её не дыша... Читаю: “Фамилия, имя, отчество: Миняйло Максим Петрович. Звание – красноармеец, стрелок”.

Далее, пропуская пункты, останавливаюсь на пятом. Этот пункт особенно тревожит сердце. Читаю: “Год призыва (указать также нормальный вид или досрочность призыва)”. А дальше – потускневшими фиолетовыми чернилами запись: “2 августа 1941 года. По мобилизации”.

О, какое горе обрушилось на нашу страну, людей, на наших матерей! “По мобилизации”! Одно только короткое слово – и мурашки по телу. В ушах сразу слышится голос Левитана: “Объявлена всеобщая мобилизация”.

Мобилизация – и океан слёз наших русских женщин.

Женщины России! Сколько слёз вы выплакали в эти минуты, часы, дни, месяцы и годы! Не хватит сил, чтобы отмотить ваши слёзы. Всем народом, от мала до велика, нам надо молиться за вас, женщины войны. Дорогие наши, простите нас, грешных, за то, что растеряли, не сберегли всё то, что вы сохранили. Вы сохранили семьи, подняли детей, сберегли страну.

И после такой войны – растерзать страну, пустить народ на поругание... Нет нам прощения! Не отмотить нам у Бога всё содеянное в 90-е годы и так называемую “перестройку”!

...Далее просматриваю раздел красноармейской книжки “Прохождение службы”:

1. Сапёрный батальон 1941 г.
2. Транспортная рота 1941 г.
3. Тридцать второй стрелковый полк.
4. Заградительный отряд 5.08.42 г.

Да, вот когда уже совсем плохо стало – август 1942-го. Понадобились заградительные отряды, чтобы не бежали вспять.

Записи сорок третьего года отсутствуют, а затем уже идут 44-й, 45-й годы... Отец, судя по красноармейской книжке, воевал в 72-й отдельной Горно-стрелковой Краснознамённой бригаде. Прошёл Чехословакию, форсировал Одер.

Демобилизован он был 31 августа 1946 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 25.09.1945 г. Начальник штаба – гвардии старший лейтенант Александров, и здесь же подпись самого Александрова.

Дорогой наш Александров, мы тебя не знали, но твоя подпись – это пропуск моего отца домой. 1945 год. Началось возвращение солдат домой. Но отец не возвращается, нет и вестей от него. Маме пришлось ждать ещё один год, до августа 1946 г., когда вернулся отец. Оказывается, после форсирования Одера его дивизию через всю страну, мимо нашего дома, бросают в пекло войны с Японией. После Победы воинскую часть грузят на пароходы, отправляют на Чукотку строить авиабазу. Солдат – на год, офицеров – на два года. Я помню затерянную фотографию отца. Стояли они в полушубках среди чукчей, а вокруг – одни снега.

Наград у отца было немного: медали “За оборону Заполярья”, “За по-

беду над Германией”, “За победу над Японией”. Помню медаль “За отвагу”, она была такого бело-сероватого цвета.

Как рассказывают фронтовики, медаль “За отвагу” имела у солдат особую цену. И если ей был награждён мой отец, значит, где-то была ситуация, где нельзя было отсидеться. Необходимо было проявить отвагу при выполнении задания.

Я закрываю тонюсенькую пожелтевшую красноармейскую книжку. Всего шесть страниц и полных шесть лет войны вместила она. Возвращение домой. Это описать без волнения невозможно.

Конечно, в 1946 году мне было всего пять лет, но я кое-что помню. Мама на сенокосе. Поздний вечер. Две моих сестрёнки сидят дома, просматривают книжки при керосиновой лампе. Часто выключали свет. Я сплю. Сёстры рассуждают: “А вот сейчас взял бы, да и папка вернулся”. И вдруг – стук в окно. Это вернулся отец. Они выбежали, повисли у него на руках.

Потянулись в наш дом все родственники и знакомые. Слезы радости неопишутемы, и в глазах моих по сей день сидит отец в гимнастёрке, ладный, подтянутый, молодой, здоровый и улыбающийся. Отпечатала память пятилетнего мальчишки этот неповторимый миг. Всё ушло, всё стёрлось, а этот миг память пронесла через всю жизнь. Прошло уже шестьдесят лет. А я помню это так ясно. Как будто это случилось час назад.

... Летом 2005 года я был в составе делегации на перезахоронении генерала Деникина и великого русского мыслителя Ивана Александровича Ильина. Париж. Панихида в Соборе Александра Невского. Вынос гроба с прахом. И вот так Бог сподобил, что я с Юрием Трофимовичем Лисицей оказался у гроба И. А. Ильина. Не сговариваясь, а никто и не препятствовал, понесли гроб с его прахом. И в голове промелькнула мысль: “Мог ли когда-нибудь подумать величайший мыслитель И. А. Ильин, так радеющий за Россию, что гроб с его прахом понесёт совсем неизвестный, родившийся в сорок первом году мальчик. А далее пришла следующая мысль: “Мой дед, георгиевский кавалер, воевал с Японией вместе с генералом Деникиным. Но Бог отнял у России победу, а значит, отнял победу у моего деда”.

Но надо было моему отцу после войны с Германией проехать через всю страну, участвовать в войне с Японией и вернуть, по воле Божией, отнятую победу, чтобы никому не известный мальчик, его сын, пройдя жизненную школу, стал профессором и понёс гробы с прахом великих сынов России – генерала Деникина и мыслителя Ильина. Так, невидимой духовной нитью, соединились прошлые и настоящие поколения. Верно сказано: “Пути Господни неисповедимы”. Дух победы над злом – он неистребим.

Мы – сыновья отцов-победителей. Дух победы над злом, который пронесли наши отцы, они передали нам, он неистребим.

Мы выросли в нём, в этом Духе, мы в нём окрепли, мы впитали его.

Мы должны, обязаны сохранить, приумножить и передать этот дух Победы над злом нашим детям.

Да, мы снова оказались в состоянии войны. Ещё более изощрённой, ещё более коварной и разрушительной, несущей угрозу уничтожения нашей духовной основы. Любовь к Богу и Отечеству – вот наше оружие. Дух победы над злом – вот наше знамя. Мы – сыновья Отцов-Победителей. И этим всё сказано.